

Глава вторая. ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ

“ ...У меня стали зарождаться географические обобщения, вскоре всецело захватившие меня...

П. А. Кропоткин, 1899

Через Большой Хинган

“ Как честный человек, я спешил воспользоваться таким прекрасным случаем ознакомиться с этим уголком земного шара, где не была еще нога европейца.

П. А. Кропоткин, 1864

Приятно было вернуться из холодно-официального Петербурга в ставший родным Иркутск, с которым было много связано. Это был мир, который уже вошел в душу и вытеснил из нее все петербургское. Хотелось здесь жить, работать, путешествовать, надеяться на то, что жизнь в Сибири будет строиться хоть немного по-иному, чем в России Европейской...

Вскоре Кропоткин был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Дали ему и первое серьезное поручение от отдела РГО — это была экспедиция в Маньчжурию. Цель ее — изыскать кратчайший путь между Забайкальем и Благовещенском, «срезать» излучину Амура, из-за которой расстояние удлинняется не менее чем на 600 верст. Этот маршрут находится в китайских владениях, и тем не менее его полезно разведать — быть может, удастся договориться о строительстве дороги совместного русско-китайского пользования. Так решило начальство, обеспокоенное тем, что скот, закупаемый у маньчжур для Благовещенска (до двух тысяч голов ежегодно), обходится очень дорого; выгоднее во всех отношениях приобретать его у своих же казаков, на юго-восточной границе Забайкалья. Если бы найти дорогу для перегона скота через Маньчжурию, казне удалось бы сэкономить около 35 тысяч серебром в год.

Из казаков-охотников составили торговый караван, предводителем которого был назначен князь Кропоткин, законспирированный под купца Петра Алексеева. Петр Алексеевич взялся исполнять эту роль, поощренный своими успешными выступлениями в Чите именно в ролях купцов в любительских спектаклях по пьесам Островского.

21 мая из пограничного поста Старо-Цурухайтуй в Маньчжурию вышел караван, в котором шли 40 лошадей и четыре телеги, нагруженные товарами и продовольствием на месяц. Товары везли «на пробу», всего понемногу. По дороге надеялись разжиться соболями у кочевников-орочон.

Граница между двумя странами тогда проходила по Аргуни. Китайцы-караульщики старательно переписали все, что было на телегах, угостились спиртом и дружески расстались с первой в этих краях русской торговой миссией. Долго спорили о том, как идти дальше. Надо было бы пройти через город, чтобы экспедиция больше походила на торговую. Впрочем, можно сначала подойти и к другому городу, Хайлару, и оттуда уже следовать в Мерген. Избрали всё же, в соответствии с главной целью путешествия, кратчайший маршрут: сначала на восток по широкой реке Ган, впадающей в Аргунь, потом — на юго-восток, к Мергену. Хотя монголы говорили, что на пути этом их ждут горы, болота и лесные завалы, решили разведать дорогу.

Очень скоро холмистая степь по берегам Гана сменилась заросшими лесом предгорьями; сказочные места для охоты. Верст через сто вышли на приток Гана Экен, по которому от даурской деревни Ологи начиналась дорога на Мерген. Путешественники вступили в центральную часть Большого Хингана, ограниченную с востока пустыней Гоби. По мере подъема все меньше пустых мест, все более зелеными становятся пади, по которым бегут ручьи в реки Малый и Большой Хайлар, составляющие Аргунь. Яркая зелень травы обманчива, под ней сочится красноватая болотная вода. Об этих болотах их предупреждали монголы. Кругом — тишина: ни людей, ни зверей. Место дикое, сумрачное. Но вообще-то это не такие губительные болота, как в Тобольской губернии — под заболоченным слоем кони находят твердый фундамент из песка и гальки и, упираясь в него, вытаскивают телеги.

В верховьях Экена, в густом лиственничнике — следы пожаров и бурь. Нелегко пробраться через сплошные завалы леса. И в этом мрачном окружении на самой вершине хребта неожиданная встреча: под горой хвороста лежал закутанный в бересту труп человека, похороненного по ороchonскому обычаю. Рядом большая груда камней в две сажени высотой, «обо» — каждый переваливший хребет должен положить камень, своего рода дань духам гор.

Снова резко изменился ландшафт. Исчез дикий характер гор западного склона, на южных склонах лиственница уступила место более яркой и изящной зелени дубков, черной березы и орешника. На западном склоне хребта Ильхури-Алинь Кропоткин обнаружил несомненные признаки сравнительно недавних вулканических извержений. Он отчетливо увидел настоящий вулканический конус, вокруг которого были разбросаны куски лавы. Во всей Восточной Азии пока еще никто не находил потухших вулканов. Это было открытие — настоящее географическое открытие, которым, пожалуй, мог бы гордиться и сам Гумбольдт, хотя оно противоречило его представлениям. Великий немецкий географ был убежден в

том, что вулканы формируются только вблизи морских побережий — их нет и не может быть в центральных областях материков.

Экспедиция продолжалась всего 16 дней. Казаки возвращались обратно в Цурухайтуй старым путем — по Амуру, потом по степи, на лошадях. На это потребовалось 40 дней. Выигрыш во времени был совершенно очевиден.

«Теперь дорога проложена, — подвел итог П. А. Кропоткин, — остается только пожелать, чтобы по ней ходили каждый год...» Дорогу действительно использовали, хотя и не так часто. Но спустя десятилетия, чуть южнее проложенного Кропоткиным пути, пролегли рельсы Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а через 80 лет Большой Хинган перевалили части Советской армии, разгромившие японскую Квантунскую армию.

Прибыв в Благовещенск, П. А. Кропоткин очень сожалел, что не застал там генерал-губернатора Корсакова, с которым собирался согласовать план дальнейших исследований — лето ведь только начиналось. О своих намерениях он писал брату в Москву: «Мне бы желательно плыть в Николаевск, затем на остров Сахалин...» На Сахалин попасть не удалось, но побывал он в это лето совсем недалеко от самого большого острова России — в Николаевске-на-Амуре, а потом на крупнейших реках бассейна Амура Сунгари и Уссури.

В приамурском селе Поярково пришлось долго дожидаться парохода вниз по Амуру, и было время для того, чтобы привести в порядок впечатления. О них он рассказал на заседании Сибирского отдела РГО, а потом о походе в Маньчжурию князя Кропоткина поведал в своем отчетном докладе Русскому географическому обществу его вице-председатель Петр Петрович Семенов (в будущем — Тянь-Шанский). Географическое общество России присудило молодому исследователю Дальнего Востока за его хинганский поход Малую золотую медаль. Эта награда ободрила Кропоткина, доказав, что его труды не пропали зря — они нужны людям, нужны науке. А это значит, что впереди еще немало новых странствий.

В верховьях сибирской реки Оки

“Здесь у меня прибавилось еще несколько новых идей для построения схемы орографии Сибири, и я также нашел другую важную вулканическую область на границе Китая...”

П. А. Кропоткин, 1899

В начале 1865 года в Иркутск пришел очередной номер петербургского журнала «Северная пчела» — прошлогодний, но для иркутян свежий. Все обратили внимание на заметку о грандиозных, по слухам, водопадах на сибирской реке Оке, левом притоке Ангары. Английский путешественник, художник и архитектор, строитель готического собора в Манчестере Томас Аткинсон зарисовал один из них так, что его вполне можно было бы сравнить с Ниагарским. По мнению корреспондента «Северной пчелы», он должен быть самым большим в мире: вода падает со скалы высотой 100 сажен. Сам корреспондент там

не был, но видел рисунки в книге Аткинсона, только что появившейся в Петербурге. На одном из заседаний Сибирского отдела РГО Арсений Усольцев предложил проверить это сообщение. Его поддержали и порешили отправить в Окинский караул небольшую экспедицию во главе с Кропоткиным: узнать, существует ли на самом деле самый большой на земном шаре водопад, измерить высоту падения воды в нем, составить подробное описание, а заодно осмотреть и сделать точные рисунки надписей на береговых скалах Оки, которые видел сотрудник Сибирского отдела М. А. Таскин. Таким было задание, для выполнения которого отдел разрешил Петру Алексеевичу истратить до ста рублей. Предполагалось, что поездка займет месяца полтора, и все были уверены, что наблюдательному Кропоткину этого времени хватит для того, чтобы увидеть в Тункинском краю немало нового и интересного. Не сомневался и сам путешественник, окрыленный успехом Маньчжурской экспедиции.

И вот — в путь! К Байкалу, а потом на юг, в Тункинскую котловину, предваряющую горный массив Западных Саян. С первого же дня Кропоткин проявляет внимание ко всему, что попадает на пути, будь то горные породы, слагающие Байкальские горы, деревни и их жители, занимающиеся в Прибайкалье хлебопашеством, сбытом пеньки и лесосплавом. В непроходимых лиственничниках, покрывающих плоские вершины гор, по долинам ручьев и у берега Байкала в середине мая еще цветет багульник; здесь прохладнее, чем в Иркутске, — с гор и со стороны озера постоянно дует холодный ветер.

Болотистая падь речки Култушной, обрамленная сланцевыми горами, приводит к небольшому хребту, за ним — падь ключа Ильчи, на который стоит обратить особое внимание. Здесь побывал геолог Меглицкий, и он предположил, что именно в верховьях Иркуты, образованных Ильчинским ключом, был некогда исток Ангары, вытекающей ныне из Байкала. А потом, в результате постепенного отступления верховьев ключа, промыта была узкая горная гряда и образовался прорыв, по которому устремились воды озера-моря: Ангара потекла из Байкала. Так полагал Меглицкий. Но у Кропоткина, начинающего путешественника, внимательно всматривающегося в окружающий ландшафт, который хранил тайны далекого прошлого, возник вопрос: а не впадал ли Иркут прямо в Байкал гораздо раньше, чем образовался исток Ангары из озера? Уже потом он промыл себе русло в ущелье Ильчи, «отвернулся» от Байкала и стал впадать в Ангару — город Иркутск как раз и расположился в месте слияния двух рек...

Очень странен, неестествен поворот теперешнего Иркуты у впадения в него ручья Ильчи. Распределение пород в речных долинах и их высотное положение тоже заставляют усомниться в том, что Иркут был истоком Ангары. Не совсем понятно, наконец, почему Иркут, сумевший выше по течению пробить себе широкое русло в массиве гранитов и гнейсов (русло теперешней Ангары), от Ильчи течет в тех же породах, но образует узкое, порожистое ущелье. «Придется оставить эту область ничем не доказанных предположений будущим исследователям, — думал Кропоткин. — Они решат вопрос, на который я решаюсь только обратить их внимание». Но он оказался прав — последующие исследования подтвердили точку зрения, согласно которой Иркут никогда не был истоком Ангары.

В Торской котловине, по которой извивается, разделяясь на несколько протоков, Иркут, — совсем иной ландшафт: ровная котловина, заполненная мелкой галькой и крупным песком,

явно озерного происхождения. В отчетной статье «Поездка в Окинский караул» он так описал открывшуюся перед ним картину: «К югу идут волнистые, пологие предгорья Саян... начинаясь острою конической сопкой к западу, идет ряд гольцов с голыми скатами, покрытыми лишь россыпями, с глубоко изборожденными, резко зазубренными вершинами и глубокими морщинами, в которых белеют и сереют, смотря по переливам тени, глубокие еще снега».

За Иркутом, через который его перевезли на карбасе буряты, лежала Тункинская котловина с возвышающейся над равниной цепью овальных холмов и селом Тунка. Кропоткин замечает: «Большое селение, домов в 350, с двумя церквями, разбросано на несколько верст по обоим берегам Иркуты... Лучше уж не вводить археологов в соблазн, называя Тунку крепостью. Для археологов зато гораздо интереснее будет старая казачья церковь (если она скоро не развалится). В ней можно найти несколько интересных образов, например, Св. Николая, привезенного, как говорят, из русского острожка, с Косокола, с медными украшениями в буддийском стиле, с неизменным лotosовым цветком... и жалко будет, если с разрушением ее пропадет для потомства этот интересный исторический памятник».

В Тунке еще с 1709 года жили пограничные казаки, которые давно смешались с коренным бурятским населением и почти не отличались от него. Они занимались хлебопашеством и скотоводством, не отказываясь и от таких побочных промыслов, как охота на изюбров и «белкование». Тункинские купцы разъезжали с товарами по караулам и бурятским юртам, заворачивая иной раз и в Монголию.

От Туранского караула вилась среди хвойных лесов дорога в Нилову пустынь, которую тоже посетил любознательный путешественник: «Сама пустынь живописно расположена среди высоких гор, покрытых обломками разрушающихся горных пород и заросших хвойными лесами. Пустынь так и манит к отдыху... Минеральный ключ вытекает из трещин в граните, вода собирается в закрытом деревянном резервуаре и оттуда поступает в ванны. Температура ее была во время моего посещения равна 43.4°...» Вверх по Иркуту растительность все беднее и беднее. Становится заметно холоднее. С заснеженного перевала открывается белая вершина Мунку-Сардык, высочайшая в Саянах... Как жаль, что нет времени познакомиться с ее ледниками!

Наконец добрались до Белого Иркуты, который бешено нес свои молочные воды. В ширину он всего три-четыре сажени, но скорость течения невольно заставляет задуматься, прежде чем погрузиться на коне в этот бешеный поток. А дальше — водораздел между Иркутом и Окой, куполовидный массив Нуху-Дабан. Здесь будущий создатель ледниковой теории впервые встретился с до блеска отполированными скалами, изрезанными параллельными царапинами. Возникла мысль, которая не будет оставлять его долгие годы: не следы ли это некогда двигавшихся по здешним долинам ледников, исчезнувших несколько тысячелетий назад? Гораздо легче было бы разобраться во всем этом, если бы довелось увидеть хоть один настоящий современный ледник.

На водоразделе, за полосой горной тундры — страна альпийских озер. Еще покрытое льдом озеро Иркут, из которого берет начало Белый Иркут, а неподалеку от него Окинское озеро, дающее исток Оке. Похоже, оба они сильно пересохли со времени своего образования и

продолжают уменьшаться. Не общее ли это явление для Центральной Азии, а может быть, и для всего Северного полушария? Эта мысль, впервые возникшая в саянской поездке, будет развита П. А. Кропоткиным в последующих его работах.

Плоские вершины Нуху-Дабана усеяны несметным количеством валунов, исцарапанных параллельными бороздами. Не может быть сомнений, что здесь были некогда ледники. Это их работа, так же как отполированные скалы. Внимательно рассматривая царапины на валунах и скалах, он все больше приходил к убеждению, что их невозможно смешать с трещинами камней. Строго направленные параллельные борозды прочерчены включенными в тело ледника камнями, действовавшими подобно резцам, когда ледяная масса медленно стекала с вершин Нуху-Дабана.

Два озера — Иркут и Окинское — разделены небольшим заболоченным увалом, заросшим лиственницей: «От Окинского идут округлые вершины гор с болотистыми паднями, по ним сочатся крошечные ручьи — один из них зовут Окою. Через 150 верст это будет большая река, через которую нет больше бродов... Всю дорогу, во время переезда через голец, красовался влево от нас Мунку-Сардык. С острой конической его вершины, вокруг которой во все стороны улеглись снежные гольцы с глубокими морщинами, на северо-запад спускается сплошная масса снега... идущая треугольником от небольшой шапки, которую кончается голец... Ока так быстро увеличивается, что можно сказать, „на глазах“. Возле нее в пади лежат снега наледей, которые до сих пор могут держать коня...»

На Бутогольском гольце — Алиберов графитовый прииск. Как раз в год рождения Кропоткина, в 1842-м, крестьянин Кобелев впервые доставил на Иркутский солеваренный завод 30 пудов графита, смешанного с известняком и песком. Его признали негодным для изготовления огнеупорных горшков. Но француз Алибер купил у купца Черепанова прииск за 300 рублей и в 1847 году начал его оборудовать по всем правилам, хотя в тех суровых природных условиях это было нелегко. И вот теперь, через 18 лет, Кропоткин нашел прииск совсем заброшенным. Лишь изредка посещал его оставленный Алибером сторож-сойот, надеявшийся еще на возвращение хозяина.

А построен прииск был основательно, даже с претензией на роскошь. Над шахтой — цветные стекла, красивые резные кресты, парники... И все же, видимо, невыгодной оказалась добыча графита на столь значительном удалении от городов и дорог. Но для науки предприятие Алибера оказалось бесполезным. Метеостанция, основанная на вершине Бутогольского гольца, получила ценные сведения о температуре воздуха и направлении ветра — это едва ли не первые в России данные для такой высоты. Правда, термометр был повешен неправильно. Кропоткин поправил его и сам провел серию наблюдений. Задумался он и над вопросом о происхождении графитового месторождения. Ему показалось странным, что графит одновременно вкраплен и в граниты, и в известняки. При этом должны бы быть совсем различными температурные образования...

...Там, где в последний раз Ока пробивается через гранитный массив, а затем уже тихо течет в русле, выработанном в аллювиальных наносах, напротив устья реки Тиссы, показался среди гор Окинский караул: ветхая казарма, окруженная развалившимся частоколом, амбар и часовня. Живут здесь четверо служилых казаков и две семьи

промышленников, поселившиеся несколько десятков лет назад, когда условия для охоты были намного лучше, чем теперь, и так и оставшиеся по привычке.

А вот и надписи клинообразно-сердцевидной формы на известковом утесе Монгольжин, сделанные красной краской. Эти петрографы свидетельствуют о том, что люди жили в верховьях Оки с незапамятных времен. Один за другим рисунки на скале переходят в полевую тетрадь Кропоткина. Рядом с ними — зарисовки каких-то старинных построек из валунов и описание быта бурятов, загадочных карагасов и сойотов, их одежды, домашней утвари, обычаев. Всё это — этнографический отдел отчета.

Уже в Окинском карауле его обитатели развеяли иллюзию о Ниагаре на Оке. Кропоткин убедился, что высота стены, с которой низвергается вода в Оку, не более десяти метров. А струя воды едва наполнит в полминуты сорокаведерную бочку. Гораздо интереснее оказалась падь реки Джунбулак (в современной транскрипции — Жонболок), вверх по которой Кропоткин отправился, наняв лошадей. Ущелье, выработанное в напластованиях лавы, вскоре стало узким и диким. Массивные гранитные валуны загромождали его. Неужели они принесены водой? А не правильнее ли будет полагать, что их оставил древний ледник? Ведь камни так велики и расположены с такой равномерностью по обоим берегам реки, что их падение с вершин кажется невероятным. Невольно приходится обратиться к ледникам: «Возможность присутствия ледников на такой высоте (1220 метров) под широтой 51° с. ш. не представляет ничего невероятного, если вспомнить распространение их в Европе и Северной Америке и в особенности если присутствие ледников... подтвердится позднейшими исследованиями».

Ну и глухое же это место! Ни тайгу около байкальских гор, ни очень дикие места низовьев Аргуни и перевала с Аргуни на Шилку Кропоткин не мог сравнить с этим ущельем, необычайно мрачным и угрюмым. Если идти по этому прямому коридору дальше, то можно попасть на горное озеро Харанур, окруженное шлаками и лавой, потоки которой берут начало именно оттуда. Но отряд повернул в падь реки Хикушки, притока Джунбулака, в верховьях которой возвышалась конусообразная вершина с кратером. Караван взбирается по лавовому потоку, который можно сравнить с мостовой — такая ровная у него поверхность. И вот кратер — как ножом срезанный конус, покрытый мхом и снегами и лишь с северо-восточной стороны заросший небольшим лиственничником. Кратер сложен из шлаков, пористых туфов и небольших вулканических бомб (лапилли). Из него истекал поток лавы не менее 60 метров толщиной, а размеры были сравнимы со знаменитым итальянским вулканом Монте-Нуово. Поднявшись на конус, Кропоткин увидел правильную воронку диаметром около 120 метров и глубиной до 50 метров, на дне которой чернело небольшое озерцо талой воды. К северу от этого кратера — другой поменьше, сложенный черными шлаками вулканического извержения. Они покрыли лаву, излившуюся из трещин немного раньше.

Сделано важное географическое открытие: ведь было известно, что в Центральной Азии вулканов нет, да и раньше не было. Но вот перед ним настоящий вулкан. Новый факт науки заставит пересмотреть теоретические представления. Вопрос о времени проявления в этих местах вулканизма пришлось оставить открытым до прихода новых исследователей. Они появятся в первой половине XX века и назовут один из этих потухших совсем недавно (в

геологическом понимании времени) вулканов именем Кропоткина. А пока лишь удалось у живущих поблизости бурят узнать, что они никогда не поднимаются на кратер, говоря: «бырхи» (страшно). И никогда не ночуют вблизи, опасаясь, что вулкан «проснется». Ясно, что события эти не такие уж древние, раз о них помнят люди — пусть даже через много поколений.

Еще один кратер нашли в пади Хадаруссы. На этом экспедиция закончилась. Предстояло возвращение по новому маршруту: вниз по Оке до почтовой станции Зима. Хотелось спуститься в лодке или на плоту, но местные буряты уверяли, что это невозможно, поскольку им встретится много порогов и быстрин, на которых Ока даже зимой не замерзает. И снова звучит знакомое слово «бырхи» — страшно! А могут еще и застрелить промышленные, приняв с берега людей в лодке за беглых каторжников.

Все же нашлись два охотника плыть, но они запросили такую сумму, которой у Кропоткина уже не оставалось. Пришлось ехать тропой, провести по которой буряты взяли дешевле — всего за 22 рубля. В своих походах Кропоткин познал особый человеческий тип сибиряка-таежника: необыкновенно выносливого, способного приноравливаться ко всякой обстановке, с неторопливой обдуманностью движений, сметливостью и «добродушием без болтливости». И сам он в своих походах многое приобрел в своем характере. Через 30 с лишним лет в «Записках революционера» он вспоминал: «Путешествия научили меня тому, как мало, в действительности, нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных суммах, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть постель из свеженарезанного молодого листвяка, человек чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, чуть поросших лесом или же покрытых глубоким снегом...»

Из пади в падь, от ручья к ручью, пока не вышли к Оке уже в среднем ее течении, где ширина реки достигала метров двухсот. Срубили плот, чтобы переправиться на левый берег. Но потом снова плыли вдоль утесистых берегов Оки и только через неделю окончательно вышли к ней — закончились «щеки». К вечеру следующего дня добрались до летников бурятской деревни Корпоты, откуда до Зиминской станции оставалось всего 40 верст: «Село очень большое, с двумя церквями, двухэтажными домами, деревянными мостовыми, лавочками. Главный источник богатства Зиминской — чайная торговля, которая, впрочем, начинает приходить в упадок...»

Через два дня Кропоткин — в Иркутске. Завершен путь, составивший 1200 верст. «Разведочной» назвал Петр Алексеевич эту свою экспедицию в Саяны. Между тем она, несомненно, представляла собой существенный вклад в науку. И по сей день вспоминаются в научной литературе геоморфологические исследования Кропоткина в долинах Иркутка, Жонболока, Оки, метеорологические наблюдения на вершине Алиберова гольца, открытие двух вулканов, один из которых на современных картах носит имя Кропоткина. Гляциологи очень ценят визуальное измерение высоты снеговой линии на склонах Мунку-Сардыка. Для горного массива Саян эти данные получены впервые. Все это исследователь описал в отчетной статье, которая появилась в «Записках Сибирского отдела ИРГО», отпечатанных в типографии окружного штаба в 1867 году, когда автор отчета уже покинул Иркутск.

Плавание по Сунгари

“ Нам казалось почти обидой то, что у порога... Амура лежит громадный край, так же мало известный, как какая-нибудь африканская пустыня.

П. А. Кропоткин, 1901

Кропоткин уже втянулся в работу первопроходца — и без колебаний согласился на следующую экспедицию, в которой ему предложено было принять участие. Он получил назначение в Сунгарийскую экспедицию на пароходе «Уссури», организованную непосредственно генерал-губернатором М. С. Корсаковым.

С тех пор как Петр принял самостоятельное решение и отправился на восток, хотя его отговаривали абсолютно все, даже самый близкий ему человек, брат Саша, он стал быстро меняться — вырослел, становился более уверенным, независимым. У него была цель, которая окрыляла.

Между тем Александром, оставшимся не у дел после исключения из университета, овладели хандра, глубокое разочарование, недовольство собой. Совсем недавно еще наставлявший брата, он жалуется теперь: «Я до того далеко отстаю от идеала, который живет во мне, что больно... Я правду говорю, называя себя ничтожным, вполне ничтожным человеком... Бессилие мешает мне даже стать просто порядочным человеком, трудовым человеком на личную пользу. Мне двадцать один год, а я даже не мог завоевать в обществе звания человека самостоятельного, последний поденщик достойнее меня...»

Братья как бы меняются местами. Теперь Петр успокаивает Сашу: «Ты смотришь на себя неверно. За что ты называешь себя „ничтожным, лишним человеком, без толку населяющим нашу незавидную планету“?! Разве ты своей жизнью, своими словами, своим примером — не дело делаешь? Ты честная, благородная душа, что бы ты там ни толковал...»

Александр возвращается к интеллектуальной работе: берется за книги по астрономии, геологии, психологии: «Не в силах будучи совершенно отказаться от строгой науки, я каждый день делаю попытки ворваться в это святилище, но тщетно: недостаток предварительных знаний и неспособность к труду связывают меня...» И вот на двадцать втором году жизни у него впервые возникает мысль о самоубийстве: чтобы отогнать ее, Петр особенно настойчиво зовет его приехать в Иркутск как можно скорее. Но Саша медлит, ссылаясь то на дороговизну (отец упорно отказывает в помощи), то на работу над большим философским трактатом «Бог перед судом разума». Александр Кропоткин задумал его как научное обоснование атеизма, включив в это сочинение главу поистине всеобъемлющую — «Общее описание мира». Одновременно он заканчивает большую рукопись «О происхождении видов» и посылает ее Петру. Постепенно переписка входит в прежнее русло. Братья высказывают друг другу свои взгляды на жизнь, зачастую противоположные, но при этом они всегда едины при обсуждении бурных событий тогдашнего мира. Они горят желанием принять участие то в походе Гарибальди по освобождению Италии, то в народном восстании, вспыхнувшем на Балканах. «В Сербии нужны руки, и охотно бы поскакал», —

пишет Петр. А пока он настойчиво зовет Александра приехать в Сибирь.

В начале августа 1864 года брат наконец прибыл в Иркутск, когда Петра в городе не было. Сибирь не очаровала его, как Петра два года назад. В дневнике он отметил: «Да, неприветлива Сибирь. Здесь невозможен комфорт (в благородном, цивилизованном смысле этого слова)». Александр был в большей степени рационалистом, чем младший его брат. Он с иронией воспринял Иркутск, замечая в дневнике: «Вообще Петух мой что-то более радостно, чем я, смотрит на Сибирь...» И о музее, в котором с таким удовольствием работал Петр, сказано так: «Правда сказать, ничего я не вынес из своего осмотра... Очень милый только кусочек графита...»

Как раз в эти дни его брат плыл по реке Сунгари. Прямая цель экспедиции — отвезти дружеское послание китайскому генерал-губернатору провинции Гири с целью налаживания добрососедских отношений и оживления приграничной торговли. Дипломатическую миссию выполнял консул в Урге, а сопровождавшие его лица — А. Ф. Усольцев, два топографа и Петр Кропоткин в качестве историографа — должны были заняться исследованием Сунгари, протекавшей через край совсем еще неизвестный. Надо было выяснить, судоходна ли река и на каком расстоянии, нанести ее на карту, провести обычный в те времена комплекс исследований, собрать образцы горных пород, гербарий, провести метеорологические наблюдения.

У экспедиции парохода «Уссури» была практическая цель: проплыть по реке 1100 верст и составить представление об условиях судоходства. 21 июня 1864 года в пятом часу вечера пароход вошел из Амура в устье Сунгари. За ним шла баржа с грузом более пяти тысяч пудов каменного угля. По Айгуньскому договору русским предоставлено было право торгового плавания по Сунгари, и впервые им решили воспользоваться.

Нащупать фарватер на «нехоженой» реке было непросто, и много раз небольшой пароход буквально царапал дно, продвигаясь чрезвычайно медленно. Только после слияния с притоком Нонни река стала полноводнее. Присутствие на судне представителей Сибирского отдела Географического общества давало гарантию того, что какие-то научные исследования все-таки будут проведены. И действительно, астрономические определения и метеорологические наблюдения велись регулярно, с первого же дня, как и глазомерная съемка. А каждая высадка на берег использовалась для сбора растений и образцов горных пород. Первые дни с трудом удавалось нащупать фарватер среди множества мелей и перекатов. Но потом река стала спокойнее, оживленнее. На ней стали попадаться большие лодки под парусами, а на берегах — деревни, поначалу гольдов (нанайцев), а потом китайские. Вдали возникли очертания зубчатых безлесных по преимуществу хребтов. В последних числах июля добрались до города Сянь-Синя, имевшего в то время тысяч десять жителей.

Выше Сянь-Синя Сунгари прорывается через преграду горного хребта Доуссэ-Алинь, склоны которого покрывают заросли черной березы и маньчжурского дуба. Но вот берега становятся низменными, утомительно однообразными. До самого горизонта видна лишь голая степь с множеством небольших озер. Потом Сунгари пробила дорогу через уже знакомый Кропоткину хребет Большой Хинган, и местность снова стала напоминать

итальянские ландшафты: невысокие горы, раскидистые деревья под безоблачным небом. Пройдя полосу хаотических известняковых гор, прибыли в Гирин — конечный пункт путешествия. Местные власти, однако, отнеслись с подозрением к визиту из соседней страны переодетых, как они догадались, военных. Укрепление дружеских связей на официальном уровне, пожалуй, так и не было бы достигнуто, если бы не неожиданная авария. Разворачиваясь для того, чтобы идти обратно, пароход сел на мель. Власти, опасавшиеся, как бы русские не остались зимовать, прислали на помощь бригаду в 200 человек. Китайцы залезли в воду и приготовились объединить свои мускульные силы, чтобы освободить плененный корабль. Вдруг молодой бородатый купец Петр Алексеев тоже соскочил в воду, схватил багор и сильным красивым голосом затянул «Дубинушку». Китайцам это очень понравилось. Все дружно взялись за дело, и пароход быстро сдвинули с мели.

Совместный труд под «Дубинушку» достиг того, что не смогло сделать официальное послание — с простыми китайцами установились самые теплые отношения. Такими же дружескими встречами был отмечен весь обратный путь парохода. Это был первый опыт непринужденного общения представителей соседних народов, «народной дипломатии», как мы сказали бы сегодня.

21 декабря 1863 года Кропоткин доложил на заседании Сибирского отдела РГО о своем походе через Большой Хинган, а через месяц — 18 января следующего года — о плавании по Сунгари до Гирина. Оба отчета были посланы в Петербург, и Петр Петрович Семенов, выступая с докладом о географических работах в России на общем собрании РГО, высоко оценил итоги маньчжурского похода, а Сунгарийскую экспедицию назвал «значительным героическим подвигом».

Между Витимом и Олёкмой

“ Нашей главной задачей было пройти... Важно уже то, что нам удалось заглянуть в этот неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину.

П. А. Кропоткин, 1901

В 1863 году на месторождении золота, открытом в 1846 году двумя охотниками Окуловским и Корниловым при впадении реки Бодайбо в левый приток Лены Витим, было основано Ленское золотопромышленное товарищество, а вслед за ним еще одно — Прибрежно-Витимское. Это был один из крупнейших в те времена центров русского капитализма, а значит, и жестокой эксплуатации рабочих. Их возмущение, копившееся десятилетиями, вылилось лишь спустя полвека, в 1912 году, обернувшись печально знаменитым Ленским расстрелом. Кропоткин, живший тогда в Лондоне, откликнулся на это событие пламенной статьей — а между тем он был первым, кто сообщил об ужасных условиях работы на Ленских приисках еще в 1866 году в корреспонденции, присланной с приисков в «Современную летопись». Подробнее он написал о своих впечатлениях брату; в этом письме впервые высказывается мысль о «подрыве капитала», обнаруживающая знакомство автора с

теориями анархиста Прудона.

...В эту экспедицию Кропоткин отправился на средства нескольких золотопромышленников — Баснина, Каташивцева, Сибирякова и других, сообщая пожертвовавших тысячу рублей Сибирскому отделу Географического общества для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа на Олёкминские прииски. На протяжении нескольких лет хозяева гнали скот на прииски с Вилюя — он обходился в копеечку, притом что достоинства якутского мяса были невысоки. В то же время совсем рядом, в Забайкалье, скота было вдоволь, и буряты-животноводы не знали, куда его сбывать. Этот скот был бы для промышленников намного дешевле, но дорогу ему преграждали непроходимые цепи утесов-гольцов.

Было известно, что якуты, жившие в верховьях Чары, у озера Лемберме (теперь оно называется Леприндо), держат скот, доставленный ими из Нерчинского округа. Значит, есть какой-то проход в хаосе гольцов. Несколько поисковых партий посылались на его поиск, но ни одна не нашла пути через горную страну. Наиболее серьезной была экспедиция топографа Арсения Усольцева. В 1857 году он дошел до долины реки Чары, притока Олёкмы, перевалил хребет Калар, поднялся по Чаре до порогов, а потом вышел в долину Чюльбана и на Витим, откуда вернулся к устью Муи. С берега Витима Усольцев увидел величественный монолит хребта Кодар, по узким ущельям которого охотники-тунгусы вывели отряд в Чарскую котловину. Это был необыкновенно ценный для познания неведомой страны маршрут. Но даже намек на скотопрогонный путь Усольцев не обнаружил.

Испросив разрешение у генерал-губернатора, Сибирский отдел предложил организовать экспедицию Кропоткину, хорошо себя зарекомендовавшему в качестве первопроходца. Он решил попытаться прорваться через хаос гольцов не с юга, а с севера. Отдел надеялся на получение от Кропоткина значительного научного материала, поэтому решил освободить его от проведения маршрутной съемки, поручив ее специально командированному от Генерального штаба топографу В. И. Машинскому. Третьим научным участником экспедиции стал девятнадцатилетний учитель военного училища в Иркутске Иван Поляков. Кропоткин обратил внимание на этого талантливую юношу, взял его под свое покровительство и не ошибся — из него получился ученый высокого класса: зоолог, антрополог, этнограф. В экспедиции ему был поручен сбор зоологических и ботанических коллекций. От «заказчиков», которым пришлось добавить денег на снаряжение похода (до 5200 рублей), включили в отряд скотопрогонщика Чистохина с двумя бурятами.

На выбор Кропоткиным непроверенного прямого пути повлияло одно обстоятельство. Сотрудник приисков В. Рухлов передал ему небольшую карточку, составленную по расспросам тунгуса Павла Максимова. На куске бересты был нацарапан путь, которого следует держаться, чтобы пройти через долину реки Муи на реку Бамбуйко. Кропоткин доверился многовековому опыту таежных ходоков и двинулся точно в соответствии с берестяной картой — другой ведь все равно не было. Для выполнения научных исследований были взяты все приборы, какие удалось достать, — барометр и термометры, горный компас, буссоль, шагомер. Ружьем и всем необходимым для приготовления чучел птиц и зверей, собирания насекомых и растений вооружился Иван Поляков. Продовольствием и лошадьми обеспечили экспедицию золотопромышленники.

Кропоткин выехал из Иркутска 9 мая 1866 года, на следующий день вся экспедиция собралась на берегу Лены, в селе Качуг. Там погрузились в плоскодонную большую лодку — паузок — и на ней медленно поплыли вниз по Лене, с первого же дня начав исследование ее берегов. В начале пути Кропоткин с Поляковым плыли в почтовой лодке, используя частые остановки для осмотра обнажений горных пород и сбора геологических образцов. Кропоткин внимательно исследовал немногие прибрежные поселения русских крестьян-переселенцев. Несмотря на неблагоприятные условия, они освоили хлебопашество на берегах Лены, используя как подспорье скотоводство и рыболовство. Буряты традиционно занимались скотоводством, а тунгусы (эвенки) — охотой. Кропоткин исследовал этнографию, экономические связи и хозяйственный уклад населения долины Лены и ухитрялся еще находить время для работы над переводом с английского книги Дейвиса Пэджа «Философия геологии», который они взялись сделать вместе с братом.

Геологические исследования берегов Лены были очень важны. Все те, кто проплывал по Лене до Кропоткина, включая П. Г. Меглицкого и А. Ф. Миддендорфа[14], быстро миновали ленские берега, да еще и в неудобное для геологических работ время года. Мнения Меглицкого и Миддендорфа относительно возраста песчаников, слагающих берега Лены, сильно расходились: первый относил их к геологическому периоду девону, другой — к силуру. Разница в возрасте солидная — сотни миллионов лет.

Решив выяснить истину, Кропоткин начал с добросовестных, очень детальных описаний обнажений пород. Известняки А. Ф. Миддендорф считал более молодыми, чем красноцветные песчаники. Но Кропоткин установил, что это не так — известняки подстилают красноцветы, и они, несомненно, древнее. Обратил он внимание и на новейшие образования Ленской долины, которые помогали выяснить вопрос о ледниковом периоде в Сибири, и на следы обитания первобытного человека по ее берегам. Диапазон интересов, проявившихся у Кропоткина в самом начале Олёмкинско-Витимской экспедиции, был очень широк: от петрографии до антропологии. Он регулярно вел метеорологические наблюдения, а кроме того, собирал сведения по этнографии и экономике района. Особенный интерес представляли его наблюдения в области экономической географии. В те времена такой науки еще не существовало, но научные факты, осмысленные Кропоткиным в очерке «Путешествие по Лене», заставляют считать его одним из первых экономико-географических исследований в России середины XIX века.

В последние дни мая вся экспедиция собралась в Крестовской резиденции Ленского товарищества. Здесь был сформирован вьючный караван из полсотни низкорослых якутских лошадей. За восемь суток по таежной тропе было пройдено около трехсот верст через бассейн реки Патом. Кропоткин назвал эту довольно мрачную местность Патомским нагорьем. Горная страна, сложенная известняками, поверх которых были разбросаны явно «инородные» валуны, снова обратила мысль Кропоткина к далекому ледниковому периоду. Он находил немало следов древних ледников в районе приисков, где рабочим приходилось взрывать валуны, мешавшие разрабатывать шахты. Их слагали породы, не встречающиеся в долине и, несомненно, принесенные с далеких гор.

Ни реки, ни морские течения, ни плавучие льдины не могли этого сделать. Только ледники, убежден Кропоткин, древние, уже исчезнувшие ледники, некогда покрывавшие большую

часть Восточной Сибири обширным ледяным покровом. В одном из писем брату он ставит важнейший для географии того времени вопрос: «Писал, между прочим, опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространились на Азию?»

Конечно, похолодание, захватившее Европу и Северную Америку, не могло обойти Сибирь. А если так, то ледники высоких местных гор должны были, заполнив горные долины, выйти хотя бы в некоторых местах на предгорные равнины или высокие плато, принеся с собой валуны. Почему в горной стране междуречья Олёкмы и Витима не могло произойти того же, что обнаружил Агассис[15] в Альпах, то есть выход ледников из долин на равнину?

Но чтобы судить о климате прошлого, надо знать современные климатические условия, а о климате Сибири практически не было данных. Но вот Кропоткин узнал, что на Вознесенском прииске его управляющий М. С. Игнатъев на протяжении восьми лет ведет наблюдения температуры воздуха и направления ветра. Склонившись над тетрадами Игнатьева, Кропоткин переписал данные восьмилетних наблюдений, а потом сравнил показания термометра со своим, более точным, ввел поправки и снабдил нового наблюдателя, которым стал местный врач, подробной инструкцией, в которой особое внимание просил обратить на направление ветров и связь с ним температуры воздуха. Он собирался проверить свои предположения, возникшие еще во время экспедиции в Саяны, о переносе в Сибирь теплого и влажного атлантического воздуха на больших высотах. В нем он видел причину характерной для Сибири зимней инверсии температур, когда при подъеме в горы становится теплее.

2 июля экспедиция вышла с Тихоно-Задонского прииска и углубилась в тысячеверстную тайгу, имея с собой лишь примитивный рисунок на бересте. За рекой Вачей в светло-лиловом тумане выступали скалистые горы Ленско-Витимского водораздела. Медленно караван из пятидесяти трех лошадей взобрался на вершину мрачного горного массива, сложенного глубинными кристаллическими породами и укутанного непроглядной вековой тайгой. Вскоре пришлось прекратить все научные работы, кроме наблюдений за температурой, направлением и скоростью ветра, облачностью и давлением воздуха, потому что проводники-эвенки отказались вести отряд дальше, не зная дороги. Кропоткин, Поляков и Машинский были вынуждены самостоятельно выучить лошадей, устраивать привалы, разжигать костры, готовить на них пищу и находить дорогу в хаосе гольцов, не теряя генерального направления.

Витим широко разлился после весеннего снеготаяния и дождей, и переправа была нелегкой — на нее ушло два дня. С большим трудом перевели на другой берег лошадей, а там пошли прямо на юг, пересекая монолитный, почти нерасчлененный, суровый и неприступный хребет, названный Кропоткиным Северо-Муйским. За его каменной стеной, переходящей на востоке в столь же неприступный хребет Кодар, открылась долина реки Муи, с юга огражденная Южно-Муйским хребтом, продолжающимся восточнее хребтом Удокан.

Каждый день — тяжелые переходы то в гору, то вниз, в долину. Шли медленно. Кропоткин то и дело останавливался, записывал, зарисовывал, ехал дальше и продолжал думать, покачиваясь в седле...

Откуда валуны? И главное: почему так гладко отполирована их поверхность? Если бы здесь плескалось море, всё было бы понятно. Море холодное, по нему плавали льдины и айсберги, они таяли с течением времени, на дно оседали вмороженные в лед камни. Только почему на них столько царапин и почему царапины эти все направлены в одну сторону?.. Да и нет здесь никаких следов моря, нет поздней морской фауны...

Наледи, так часто пересекавшие ручьи Патомского нагорья, оказались самым серьезным препятствием на пути. Лошади скользили по облизанному водой льду, и тогда было лучше спускаться в холодную до судорог воду, чем карабкаться по этим миниатюрным ледникам. Переход, занявший четыре месяца, был чрезвычайно трудным. Вот что писал Кропоткин с берегов Витима брату Александру: «Тридцать раз вспомнишь, что вот-де в Иркутске живут, занимаются вдоволь, потом вспоминаю: ведь надо же кому-нибудь прокладывать новые пути, а если пройдем, то и для географии и для промышленности будет польза, и успокоишься». Пересечена была обширная горная территория, очень сложно устроенная, отдельные элементы которой, казалось, совсем не связанные друг с другом, оказались единой горной страной, которую Кропоткин назвал Олёкминско-Витимской.

Спустившись с Южно-Муйского хребта, путешественники двинулись по болотистой равнине Витимского плоскогорья. К югу растительность становилась менее приземистой, как бы расправлялась — видимо, это было связано с постепенным уменьшением заболоченности. В низкорослом березняке появились отдельные могучие экземпляры лиственниц, прочно укоренившиеся в тонком слое талой почвы благодаря тому, что их корни распространялись горизонтально над вечной мерзлотой.

Но вот болота сменились сухими забайкальскими степями, склоны холмов обнажились от леса, широко расстелились луга, пересекаемые неглубокими прозрачными речками. На этот участок маршрута уже была карта, но если ей верить, на пути экспедиции должна была стать могучая стена Станового водораздела. Решив, что хребет пересекает весь материк, его назвали «необходимым камнем». Однако Кропоткин установил: «Станового хребта не существует, этим громким именем называется размытый водами уступ, которым обрывается плоскогорье в долину реки Читы». Лишь очень небольшим повышением отмечен водораздел (чуть больше тысячи метров над уровнем моря) между водами Северного Ледовитого и Тихого океанов. В этих местах 20 лет назад побывал академик Миддендорф, и его рисунок, как убедился Кропоткин, очень верно отражал действительный характер перевала из бассейна Лены в бассейн Амура. И хотя Кропоткин не видел восточного продолжения Станового водораздела, интуиция его не обманула. Оказалось, что гигантского хребта от Монголии до Чукотки, нанесенного на карту первыми землепроходцами, не существует.

...Совсем рядом с перевалом начался обрыв уступа, в склон которого врезался овраг, рождающий реку Читинку, принадлежащую уже бассейну Амура. По ее долине отряд вышел к «забайкальской столице». 8 сентября внушительный караван — из 53 лошадей осталось 43 — вошел в Читы. Он вызвал удивление жителей, совершенно не представлявших, где находятся Ленские прииски, с которых пришел караван. Через 30 лет возник проект использования этой трассы для строительства железной дороги Бодайбо — Чита и автомобильной дороги из Бодайбо на станцию Таксимо Байкало-Амурской магистрали — в какой-то своей части, если проект осуществится, дорога пройдет по пути кропоткинской

экспедиции 1866 года.

Но главный, важнейший итог этого путешествия для Кропоткина в том, что оно помогло ему найти ключ к общему строению гор и плоскогорий Восточной Сибири. «Нашей главной задачей было пройти, — писал Кропоткин. — А удастся собрать богатый научный материал или нет — это был уже вопрос второстепенный... Впрочем, важно уже то, что нам удалось заглянуть в этот неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину». Сделано для науки было немало: глазомерная съемка на протяжении трех тысяч верст, позволившая существенно исправить карту обширной территории, около четырехсот «сроков» метеорологических наблюдений, вскрывших закономерности формирования погоды, описание геологических обнажений на берегах Лены и ледниковых отложений по всему пути. Неплох был и зоологический «урожай» Ивана Полякова: 40 видов млекопитающих и более ста видов птиц.

Через семь лет будет издан обширный «Отчет об Олёкминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопроегонного пути из Нерчинского округа в Олёкминский, снаряженной в 1866 г. олёкминскими золотопромышленниками при содействии П. А. Кропоткина и И. С. Полякова». Многие из материалов экспедиции Кропоткин использует в более поздних работах, которые появятся за границей. Маститый австрийский геолог Эдуард Зюсс[16] в своем многотомном труде «Лик Земли» 13 раз сошлется на Кропоткина, считая его и Яна (Ивана) Черского первооткрывателями «древнего темени Азии».

А исполнитель трудного похода, ставшего триумфом его как географа, уже думал о новом повороте судьбы. В письмах брату из экспедиции звучат нотки неудовлетворенности положением военного чиновника, которое, хотя и предоставляло возможность заниматься исследованием природы, но не освобождало от таких обязанностей, которые расходились с демократическими убеждениями, прочно сложившимися к тому времени у Кропоткина.

Письма брату... Им он доверял свои самые сокровенные чувства, и по ним можно проследить ход мыслей Петра Кропоткина, развитие его личности. Попав в Сибирь, Петр поначалу несколько растерялся, не будучи уверенным, что сможет найти там свое место. 8 декабря 1862 года он писал из Читы: «Время уходит, пропадает привычка к учебному и ученому труду... Стараюсь чтением вознаградить невознаграждаемое, стараюсь обращать внимание на жизнь человека и на характер страны... Мой прежний идеал — серьезные научные занятия — приходится разбить его последние осколки...»

Весной следующего года им страстно овладевает любовь к театру. Играя в любительских спектаклях, и весьма успешно, он всерьез задумывается над возможностью избрать для себя карьеру актера. Брат отговаривает его, но Петр отвечает: «Ты сильно нападаешь на меня за актерство, но зачем ты в таком случае не нападаешь на меня за игру на фортепьяно? Это непоследовательно. Ты говоришь, что актерство убивает истинное чувство, но в чем разница, скажи: писать драму или производить ее перед зрителем? Разве актер не так же точно творит, как сам писатель?»

Вот он отправляется в первое путешествие в Маньчжурию, и письма его, первоначально выражавшие сомнение в том, сможет ли он работать в научной экспедиции, становятся

уверенными, а иногда даже восторженными. Он в восторге от Сибири: «Сказать по правде, если мне и придется оставить Сибирь, то сделаю это я не без сожаления — страна хорошая и народ хороший».

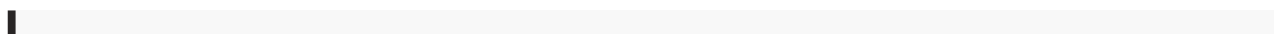
Но такая уж особенность у Петра Кропоткина — как только он вполне основательно, профессионально утвердится в каком-то деле, так сразу же увлекается чем-то другим, намечает себе новый путь в сторону от того, который вроде бы уже проложен. В письмах Александру (а переписка эта продолжалась, даже когда брат приехал в Сибирь — вместе они и тогда бывали редко) появляются мотивы гуманитарные. Кропоткин начинает раздумывать над вопросами нравственности, взаимоотношений между людьми, над социальными проблемами и над тем, возможно ли изменить мир, сделать его справедливее.

Уже принимая участие в составлении проекта реформ, он признается: «Ну, Саша, начинается применение на практике моих убеждений. Каково-то удастся? Вот и деятельность, и я с радостью принимаюсь за нее». А позже делится впечатлениями от знакомства с тяжелой действительностью, когда занимается «защитой прав крестьянина, слишком молчаливого, дающего себя бить и драть ни за что ни про что». В марте 1863 года, едва узнав о начавшемся восстании против турецкого владычества в Сербии, Петр пишет о своем желании принять участие в борьбе на стороне повстанцев, считая турецкое правление на Балканах деспотическим и несправедливым. Как образец справедливого управления он приводит Кукеля, который как раз тогда был снят со своей должности по доносу: «Он принес великую пользу основанием полусотни школ. Ну и само собой, его поспешили убрать. Зависть, доносы — вот оно, русское общество; всегда и везде будет то же; началась, брат, у нас на Руси доносомания давненько, и долгонько она продолжится...»

В 1866 году из Крестовской резиденции брату отправлено письмо, в котором Петр делится своими мыслями по поводу идей французского историка Эдуарда Кинэ, рецензию на книгу которого «Революция» он прочитал. Кинэ размышляет над тем, почему революции, как правило, не приносят народу свободу, и делает вывод, что все дело в нарушении принципов нравственности, поскольку революции допускают насилие над отдельной личностью. И вот что пишет молодой Кропоткин: «Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя вправе прибегать к безнравственным мерам?.. Насколько полезно для самого дела принимать безнравственные меры? Неужели-таки решительно бесполезно, даже вредно? Опыт, кажется, говорит, что — да, безнравственные поступки деморализуют само общество». К этой теме его мысль будет возвращаться на протяжении всей жизни, мучительно решая вопрос о соотношении нравственности и справедливости, о том, возможно ли насильственное установление справедливости, не будет ли это означать ее (справедливости) уничтожение...

Конечно, он еще не предполагал, что скоро покинет Сибирь, хотя мысль о поступлении в университет его не оставляла. Но произошло событие, заставившее его уйти в отставку и ускорить возвращение в Петербург.

Уход из Сибири

Пять лет, проведенные мной в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера... В Сибири я утратил веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом.

П. А. Кропоткин, 1901

Сосланные в Сибирь участники Польского восстания 1863 года работали на строительстве огибающей с юга Байкал Кругобайкальской грунтовой дороги. Группа каторжников во главе с бывшим пианистом Цилинским устроила побег в августе 1866 года. Беглецы пытались достичь китайской границы. В погоню был послан казачий отряд под командой сотника Лисовского. Мысль о том, что могут послать и его, и он, как офицер, вынужден будет подчиниться, мучила Кропоткина. Уже приближаясь к Чите, он написал брату с прииска Серафимовского: «Здесь мы узнали о польском возмущении за Байкалом, отряд Лисовского у меня как бельмо на глазу, тебя не посылали ли? Скверность могла выйти. Этакая мерзость».

Руководители восставших строителей дороги пытались уйти за границу, в Монголию, но сотня Лисовского догнала беглецов. Их всех арестовали: перед военным судом в Иркутске предстали 50 человек. Зачинщиков суд приговорил к расстрелу. Кропоткин присутствовал на судебных заседаниях, подробно их описал и отправил корреспонденцию в Петербург, где ее напечатали «Биржевые ведомости». Это был объективный репортаж: бесстрастно изложенные в нем факты обличали жестокость и произвол администрации. После окончания процесса оба брата подали в отставку.

А в столицу отправился донос на братьев Кропоткиных, извлеченный из архивов лишь недавно. Это было анонимное «предостережение»: «Лет десять назад открыта в Пажеском корпусе шайка нигилистов, состоящая из пажей. Зачинщиками оказались братья Кропоткины и другие. Кропоткиных послали в Иркутский казачий полк на службу. Приехав в Иркутск, они тотчас же открыли учение нигилизма и успели сделать безбожниками не только молодежь, но даже граждан пожилых...» Эта безграмотная бумажка была составлена по ложным слухам: в Иркутске братья никакой агитацией не занимались.

В письме с Серафимовского Петр сделал еще такую приписку: «Здесь же прочли циркуляр царя о нигилистах — мешкать дольше нельзя, авось пригодимся на что-нибудь». После неудачного выстрела Дмитрия Каракозова в царя 4 апреля 1866 года усилились репрессии против столичной интеллигенции. Был арестован и сослан в Вологодскую губернию артиллерийский полковник П. Л. Лавров, считавшийся одним из главных «возмутителей умов» молодежи. Циркуляр царя предписывал выкорчевывать распространившиеся среди молодых людей критические, нигилистические настроения.

В России термин «нигилизм», предполагающий отрицание общепринятых ценностей (главной из которых считалось верноподданничество), получил распространение после появления в 1862 году романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Нигилистами стали звать всех, кто высказывал какие-либо критические суждения в отношении существующего порядка вещей, отказывался от суеверий, предрассудков и лицемерия, преклоняясь перед

